

Давайте все вместе пойдём на спектакль (4)

Все, кто ожидал увидеть несчастье, обрушившееся на Ли Хун Юаня, потемнели лицом. Такое серьёзное преступление, и что в итоге? Воздержание от скоромной пищи в течение определенного периода времени тоже может считаться наказанием? Какая разница между этим и "закрыть дверь и размышлять об ошибках, переосмысливая свои поступки"? Но, поскольку император Лэчэн согласился, никто не мог это прокомментировать. Даже если этот вопрос стал известен всем, его нельзя обсуждать при императорском дворе. Что-то, заставившее императора Лэчэна потерять лицо, кто еще посмеет упомянуть этот инцидент снова? Неужели вы думаете, что вы такие же, как Цзинь циньван? Или считаете, что вас будут терпеть, как его? Продолжайте мечтать!

Ли Хун Юань жаждал красавиц и любил удовольствия. Посещение буддийского храма со всеми его правилами и ограничениями тоже может считаться тяжелым наказанием для него. Злясь на несправедливость, они могли только так утешать себя.

— Наше ты наказание, немедленно доставь свою задницу в храм Белого дракона и без нашего на то приказа не возвращайся.

— Этот сын принимает указ императора, — он не дождался, пока император Лэчэн разрешит ему встать, и просто вскочил на ноги.

Это зрелище заставило императора Лэчэна снова захотеть его побить. Но шестой сын всегда оставался безразличным, независимо от отцовских действий. А если выразиться более неприятно, то это было: "мертвая свинья ошпариться не боится" [1]. В конечном счете, можно только страдать от гнева.

— Зачем вы все здесь стоите? Делать больше нечего? А ну потерялись все немедленно! — такой очевидный и неправильный выход для его гнева.

У наблюдавших за происходящим сразу же появилось выражение а-ля "у меня есть какое-то важное дело", и один за другим они попросили извинения, даже демонстративно сжав губы.

— Наше ты проклятие, ты все еще здесь? Прямо сейчас тот, кого мы не хотим видеть больше всех, это ты.

— У этого сына есть что сказать муфэй. Разве у императорского отца в это время еще нет государственных дел? — другими словами, вы все еще не ушли!?

Император Лэчэн все же не смог сдержать свой гнев и безжалостно пнул Ли Хун Юаня, прежде чем, наконец, уйти прочь.

Ли Хун Юань заметил отпечаток ноги на краешке своей одежды и нахмурился. Не потому, что

было больно, а просто потому, что не любил пачкаться.

Благородная супруга Су очень естественно присела на корточки и использовала свой платок, чтобы стереть этот след. Точно так же, когда он спотыкался и падал в детстве, ему помогали подняться, а потом она лично смахивала с него грязь, нежно утешая. Выражение лица Ли Хун Юаня выглядело немного странным. Он отступил на шаг назад:

— Муфэй...

— Что случилось? — Су гуйфэй встала и дружелюбно посмотрела на него.

— Подобными вещами, естественно, должны заниматься фрейлины, как вы все еще можете беспокоиться и делать это лично?

— Муфэй просто привыкла к этому. Если тебе не нравится, я буду внимательнее в будущем.

— Это не неприязнь, этот сын просто... — Ли Хун Юань помедлил, по-видимому, не зная, как следует произнести следующие слова.

— Ты просто беспокоишься обо мне, твоя муфэй знает. Ах, если бы ты меньше злил своего императорского отца, он, разумеется, ничего бы тебе не сделал. Тогда не было бы этих вопросов. Я считаю, что ты не будешь так своевольничать и вести себя настолько опрометчиво, как это случилось сегодня. Даже если поведение этой пинь Ли было ненадлежащим, ты все равно не станешь вовлекать себя без причины. Раньше из-за того, что вокруг было столько людей, ты не хотел говорить, но теперь, не мог бы ты рассказать об этом своей муфэй? — нежным тоном спросила благородная супруга Су.

Ли Хун Юань нахмурился и заледенел лицом, не желая говорить.

— Ваша светлость [2], несколько дней назад господин видел, как ее светлость императорская наложница третьего ранга Ли была непочтительна по отношению к вам, вот почему...

— Заткнись, — Ли Хун Юань холодно прервал слова евнуха Му.

Благородная супруга Су остолбенела, в ее глазах быстро заблестели слезы, чувствуя тепло внутри, она сказала:

— Юань эр, ты просто...

— Муфэй... — Ли Хун Юань сомкнул брови, его лицо становилось все более холодным. Но любой мог сказать, что он просто не знал, как утешить Су гуйфэй. Поскольку он не знал, что делать, он выглядел еще более холодным.

Благородная супруга Су вытерла слезы и счастливо улыбнулась.

— Другие говорят, насколько ужасен мой сын, откуда им знать, что ты самый почтительный, послушный и внимательный? Просто, Юань эр, в будущем, не делай таких разрушительных для репутации вещей. Муфэй живет в этом внутреннем дворце более двадцати лет. Пинь Ли — не более чем маленькая девочка, которая стала высокомерной, получив благосклонность. Многое повидав, я даже не придавала ей значения. Муфэй представляет себе, каковы мысли твоего императорского отца, он просто жаждет новизны, это не продлилось бы долго.

— Муфэй, не слушайте чепуху Му Аня. Этот сын действовал под влиянием момента.

Видя, что он не хотел этого признавать, благородная супруга Су больше ничего не сказала. Только это выражение ясно говорило: муфэй знает, что Юань эр застенчив.

— Юань эр, на этот раз, отправившись в храм Белого дракона, просто оставайся там некоторое время. Хотя это вегетарианская диета, блюда храма Белого дракона, как известно, очень вкусные. До того, как муфэй вошла во дворец, я часто специально бегала туда, чтобы поесть их. Кроме того, если ничего не случится, просто скопируй несколько буддийских писаний. Отнесись к этому, как к накоплению удачи для твоего императорского отца. Не устраивай больше никаких беспорядков. Это буддийский храм, если ты коснешься чего-то, чего не должен, боюсь, что твой отец действительно будет рассержен. На этот раз послушайся муфэй, потерпи немного, ладно?

Ли Хун Юань помедлил секунду с ответом:

— Этот сын понимает. Муфэй не нужно беспокоиться.

— Тогда это хорошо, — благородная супруга Су знала, что если он что-то пообещал ей, то ничего не будет делать.

— В таком случае, этот сын прощается. Не знаю, как много времени пройдет, прежде чем я смогу вернуться. Муфэй, берегите себя.

— Не беспокойся, твой императорский отец не позволит тебе долго оставаться в храме Белого дракона, — с неким скрытым смыслом сказала благородная супруга Су.

Она найдет возможность и попросит императора Лэчэна о снисхождении.

Ли Хун Юань кратко кивнул. На это ему было абсолютно наплевать.

— Этот сын прощается.

После того, как Ли Хун Юань ушел, момо из ближайшего окружения благородной супруги Су сказала:

— Надо сказать, что мать и сын всегда остаются матерью и сыном. Это то, с чем другие не могут сравниться. Независимо от того, как его высочество ведет себя снаружи, перед вашей светлостью он такой же, как и в детстве.

— Правильно, Юань эр на самом деле очень умный. Из-за Мин эра и меня он, действительно, отказался от очень многого, — тихо ответила благородная супруга Су.

Жуй циньван, Ли Хун Мин, стоял за ближайшим деревом, молча наблюдая и слушая. После этого он бесстрастно удалился. То, о чем он думал, вероятно, будет знать только он сам.

Чем дальше Ли Хун Юань уходил, тем плотнее становилась его ледяная аура. Евнух Му следовал за господином, не осмеливаясь даже дышать глубоко. Очевидно, что только прошлой ночью тот сказал, что на некоторое время хочет уехать в храм Белого дракона, чтобы восстановить силы, а сегодня цель оказалась достигнута. С какой стороны ни посмотри, все выглядит так, как будто это давно запланировано. Если желание человека сбылось так легко и можно считать, что он убил двух зайцев одним выстрелом, то он должен быть счастлив. Но из-за такого состояния шестого принца казалось, что настроение стало еще хуже, чем до того, как он отправился в резиденцию Ло.

Евнух Му размышлял над причинами и следствиями. Эта проблема могла возникнуть из-за благородной супруги Су. Такие люди, как они, все знали, что у их господина есть амбиции по отношению к трону, и необходимо скрытно забрасывать сети и выстраивать планы. Возможно, он чувствовал себя виноватым по отношению к Су гуйфэй, которая его воспитала? Или, может, у господина и благородной супруги Су нет таких глубоких чувств друг к другу, как они демонстрировали на поверхности? Специфику господин никогда не упоминал прежде и никогда четко не выражал. Так что сколько бы слуга ни думал, это было бесполезно.

Однако ему не требовалось тратить свои усилия на то, чтобы догадаться об этом.

Прежде чем Ли Хун Юань сел в карету, выйдя из дворцовых ворот, он взглянул на возвышающийся императорский дворец и подумал о последней просьбе благородной супруги Су. Наказание было подделкой, а молитва о счастье — настоящей. Что касается того, для кого эти молитвы... Естественно, он не может коснуться того, чего не должен. Это было табу его любящего императорского отца. Независимо от того, насколько он терпимо относился к нему, переступив границу этой области, он все равно испытает на себе его бушующую ярость. Однако, даже если он подчистую нарушит все правила буддийского храма, он все равно хотел бы, чтобы они все знали.

После возвращения в Цзинь циньванфу из-за длительной предварительной подготовки обо всем позаботились очень быстро. Никто не разворачивал знамена и не ударял в барабаны. В конце концов, наказан выдающийся циньван, независимо от того, как он выглядит, все это не было достойной славы вещью.

После того, как Гун момо получила то, что принес теневой страж, она затряслась от гнева. Потом она с большим трудом успокоилась, но теперь у нее не было другого выбора, кроме как пойти и найти свою нынешнюю хозяйку.

— Барышня, персиковые цветы храма Белого дракона [3] уже распустились, не хотите ли взглянуть? Этот сад очень обширен и когда цветет, его красота исключительна. Во всей столице не найти лучшего персикового сада, чем этот.

[1] 死猪不怕开水烫 — мертвая свинья ошпариться не боится, обр. все равно, быть безразличным к чему-либо; ср. снявши голову по волосам не плачут; обр. наглый, бесстыжий

[2] 娘娘 — то, что я перевела, как "ваша светлость", на самом деле означает "матушка-государыня", "государыня-императрица" или "матушка-покровительница".

Но, черт возьми, это обращение звучит странно ко всем, кроме законной императрицы при переводе (и то, такого обращения к императрице я здесь ни разу не встречала).

Насколько я знаю (из перевода еще "Божественного доктора: дочери первой жены"), это обращение используется со всеми матерями принцев. Так что матушка-покровительница тут тоже не вариант.

Исходя из всего этого, обращение превратилось в "ваша светлость".

Бонус на будущее: императорская благородная супруга будет "ваша императорская светлость" при переводе. Должна же она хоть отличаться от четырех супругов!

[3] Читатели, представьте, что вот таким садом ей предлагают полюбоваться (я не уверена, что это именно персиковый сад, к сожалению, эти цветы очень похожи на абрикосовые, яблоневые и даже вишневые)

<http://tl.rulate.ru/book/19909/787787>